

* * *

Очередной том трудов Французской археологической миссии в Афганистане посвящен нескольким, весьма различным по своему характеру памятникам и содержит три самостоятельных раздела: «Неизданные скульптурные фрагменты», «Пещерные монастыри долины Фолады» и «Наблюдения над укреплениями Бактр».

Первый является построенной по принципу каталога публикацией ранее неизданных памятников скульптуры из Хадды (92 номера), окрестностей Беграма (3 номера) и с территории Южной Бактрии — из Баглана, его окрестностей и Кундуза (всего 7 номеров). Подавляющее большинство из них несомненно составляло элементы декоративного оформления буддийских культовых сооружений. Особый интерес представляют находки, сделанные в Бактрии, относимые по стилистическим данным к кушанскому времени и справедливо рассматриваемые как новое свидетельство распространности здесь греко-буддийского искусства.

Второй раздел также носит характер публикации: в нем даны сравнительно подробные описания отдельных пещер, причем наибольшее внимание, естественно, уделяется архитектуре. Декоративное оформление практически представлено лишь остатками росписей, сюжеты которых обычны для такого рода памятников; обнаружены также следы глиняных скульптур. Датировка пещер не установлена: такой вывод следует сделать из того, что этот вопрос не затронут.

Особо следует остановиться на последнем разделе, в котором опубликованы результаты изучения оборонительных сооружений городища Балха, проведенного в 1955—1956 гг. Он, как представляется, привлечет к себе внимание широкого круга исследователей, так как дает новые материалы для суждений о прошлом столицы Бактрии. Авторы выделяют на городище Балха четыре части: 1) цитадель с арком (Бала Хисар), 2) примыкающую к ней с юга часть подпрямоугольных очертаний и 3—4) два обширных участка, лежащих соответственно восточнее и западнее последнего. Это членение основано на топографических наблюдениях (прежде всего контурах остатков стен) и характере оборонительных сооружений. Для уточнения визуальных наблюдений были произведены небольшие раскопки и зачистки — в первую очередь на цитадели, где общая картина недостаточно ясна. Здесь под сравнительно хорошо сохранившимися укреплениями тимуридского времени выявлены остатки значительно более раннего сооружения — кирпичной стены, возведенной на мощной субструкции (высотой не менее 10 м). Верхняя часть субструкции сложена из чередующихся слоев пахсы и кирпича, нижняя — из пахсы;

в целом это сооружение описывается как треугольное в сечении с основанием в 30 м со сравнительно покатым наружным фасом. Сама стена прослежена на небольших участках, и данных о ее облике мало: установлено наличие выступа, близкого к башне, и декоративного оформления ложными стреловидными бойницами; восстанавливаемая по расчетам толщина стены составляет более 7 м.

Основываясь на том, что в одном из исследованных пунктов верхние слои кладки субструкции закрывают нижнюю часть стены, авторы полагают, что вся эта система укреплений возведена одновременно, в наиболее ранний период существования Балха, и сохранилась до монгольского нашествия.

Хотя все факты, являющиеся основанием для таких заключений, документированы, все же остаются неясности. Прежде всего следует отметить, что полных физических разрезов основания не было произведено: конструкция его в нижней части восстанавливается лишь по сумме наблюдений. Но это таит в себе опасность: оборонительные сооружения Балха несомненно подвергались разрушениям и ремонтировались — вследствие этого на разных участках закономерно предполагать разную картину. Далее, в верхней части основания как будто имеются элементы неоднородности: отмечен случай включения кирпича в пахсу на значительном участке (стр. 73). Наконец, несколько неясно наличие покато-го склона у основания — момента, явно понижающего оборонительные качества сооружений в целом. Все это вместе взятое не исключает возможности, что структура оборонительных сооружений на цитадели сложнее, чем это показали предварительные исследования; в частности, связь между основанием и стеной может быть вторичным явлением — результатом капитальной перестройки. Однако для решения этих вопросов необходимы дальнейшие раскопки.

Исследование южной стены второй части городища, примыкающей к цитадели, дало авторам основание выделить три этапа, из которых промежуточный представлен лишь незначительными остатками. К первому, наиболее раннему, относится участок стены и прямоугольная башня, украшенная ложными стрельчатыми бойницами и поясами фигурной кладки; она возведена на субструкции, состоящей из земляной насыпи, заключенной снаружи и внутри в кирпичный кожух; вся эта основа образует выступ со скатом. Последняя особенность, равно как и декор башни, рассматриваются авторами как свидетельство вероятной синхронности оборонительных сооружений этой части городища и цитадели или во всяком случае близости их по времени.

Следует заметить, что в данном случае раскопки дали более полную картину, хотя лишь на одном участке. Некоторые детали, в особенности возведение башни на земляном заполнении, невольно наталкивают на мысль, что здесь все же могло быть несколько этапов строительства; к этому как будто склоняются и авторы, отмечая, что внутренний кожух является самой ранней частью (стр. 79, ср. также стр. 88). Существенным для решения этого вопроса является характер соединения кирпичных частей, о котором, к сожалению, данных не приведено.

Третья часть городища имеет в основном свою стену иной конструкции; синхронной ей авторы считают значительную перестройку укреплений второго участка, вошедшего в состав расширившегося города. Эта стена исследована на небольших участках, и выявлены лишь основные ее черты: здесь мы имеем фактически две стены с казематами между ними, которые позднее были заполнены землей; кроме того к наружной был пристроен кожух. Наружная поверхность обеих стен была снабжена декором в виде глухих арок и ложных бойниц. Имелись прямоугольные башни.

Четвертая часть является дополнением, включенным уже в тимуридское время.

Абсолютная хронология ранних этапов дается в книге лишь предположительно, основываясь главным образом на результатах шурфовки и схеме Гардэна. Укрепления цитадели (Бактры I) относятся к докушанскому времени, более точно — к греко-бактрийскому периоду; укрепления южной части рассматриваются как синхронные им, но содержащие добавления кушанского (?) периода (стр. 88). Что касается этапа II (ремонт на южном участке и стены восточного), то он предположительно датируется кушанским временем. К приведенным доводам здесь можно бы добавить еще наличие двойных стен на городище Кей Кобадшах, возведенных несомненно при кушанах. В целом хронологическая схема представляется наиболее близкой к тому, что можно предполагать на основе всей суммы данных. Однако уместно отметить два момента: возможность существования в Балхе укреплений более раннего периода, чем время похода Александра Македонского, и несомненное наличие элементов укреплений «мусульманского» времени (кроме того, какие-то изменения могли иметь место и при Сасанидах). Особо важно первое, поскольку вопрос о древнейшем прошлом Бактрии и в частности Балха продолжает оставаться дискуссионным и ни в какой мере не потерял своего значения. Как известно, он привлекал к себе внимание целого ряда поколений ученых и рещался весьма различно; на протяжении последних трех десятилетий право голоса здесь получили и археологи. Пер-

вые работы в Балхе, проведенные А. Фуше, привели его к негативному выводу о невозможности искать тут следы даже греко-бактрийской культуры. Тем не менее последующие исследования Д. Шлюмберже показали необоснованность столь категорического заключения: имеются достаточные основания полагать, что работы должных масштабов позволят выявить памятники этого важного этапа в истории Среднего Востока.

Учитывая накопившиеся за последнее время данные по Северной Бактрии и соседним областям, можно утверждать, что в Балхе должны быть слои и более раннего времени, ориентировочно V—IV вв. до н. э.: соответствующая керамика представлена в находках из шурфов. Логично предполагать, что должны быть также укрепления этого периода: остатки их могут быть скрыты в недостаточно полно исследованной толще основания оборонительных сооружений Бактр I.

Следует напомнить и другое: ни один шурф на цитадели не был доведен до материка, вследствие чего ни мощность культурных напластований, ни стратиграфия нам еще полностью не известны. Вопрос о времени возникновения Балха остается открытым: традиция во всяком случае относит это к глубокой древности, и сбрасывать ее полностью со счетов, видимо, не следует — хотя многочисленные возражения против ее достоверности остаются в целом правильными. Повидимому, и здесь последнее слово будет принадлежать археологии. Пока мы не имеем прямых данных, но некоторые соображения в связи с новыми данными, полученными в Северной Бактрии, все же могут быть высказаны.

Лишь на протяжении недавних лет в пределах Северной Бактрии обнаружены памятники, относящиеся к эпохе бронзы. Их еще мало, и многое остается неясным — в том числе и точная датировка; однако они существенно меняют имеющиеся представления о древнейшем прошлом этой территории. В пределах Бишкентской долины, расположенной западнее Кобадшанского оазиса, исследован большой могильник, принадлежащий скотоводческому населению позднего этапа эпохи бронзы. Устойчивость погребального обряда и ряд других черт позволяют видеть в нем памятник особой, сложившейся культуры, получившей условное наименование бишкентской (некоторые данные указывают на то, что территория ее распространения была значительно шире). Одной из особенностей данной культуры является сочетание лепной керамики примитивной выделки с высококачественной, изготовленной на круге быстрого вращения, представленной четко выработанными формами сосудов. Последняя должна рассматриваться как заимствованная от оседлого населения, явно обладавшего

сравнительно высокоразвитой техникой. Поселений, на которых встречалась бы такая керамика, в ближайшей к могильнику части Северной Бактрии не имеется; однако центры ее происхождения можно искать все же в ближайших районах. В качестве одного из возможных представляется именно южная часть Бактрии с ее овеянной легендами столицей Балхом.

Каковы бы ни были результаты дальнейших работ в этом направлении севернее Аму-Дарьи, вопрос о наличии весьма древней высокой культуры в Бак-

трии может быть сейчас снова поставлен уже на основе археологических материалов. Большой вклад в его разрешение несомненно могли бы внести дальнейшие исследования в Балхе, необходимость которых очевидна и во многих других аспектах. И не явилось бы неожиданно обнаружение на цитадели поселения уже позднего этапа бронзы, которое впоследствии составило основу города античной эпохи.

А. М. Мандельштам

EMIN TENGSTRÖM, Donatisten und Katholiken. Soziale, wirtschaftliche und politische Aspekte einer nordafrikanischen Kirchenspaltung, Göteborg, 1964

В докторской диссертации шведского историка Э. Тенгстрема исследуется круг проблем, уже многие годы оживленно дискутируемых в научной литературе. Речь идет о социально-политическом содержании религиозной борьбы в Северной Африке IV—V вв., в частности о толковании понятия «циркумцеллионы» и о характере повстанческого движения, с которым связывают их литературные источники. Как известно, по этому последнему вопросу в науке высказывались самые противоположные точки зрения: от признания циркумцеллионов особой социально-сословной категорией наемных сельскохозяйственных рабочих до характеристики их как воинствующих религиозных сектантов, принадлежавших к донатистской церкви. Весьма детально исследованы в ряде работ и другие вопросы, интересующие Тенгстрема: о политике императорской власти в отношении донатистской церкви, о связях донатистов с сепаратистскими движениями Фирма и Гильдона, о социальной и географической базе обеих враждующих церквей. В этих условиях автору, очевидно, трудно было избежать определенной компилятивности, повторения уже высказывавшихся ранее точек зрения.

Запово пересмотрев широкий круг источников, Тенгстрем попытался преодолеть эту трудность, сформулировать новые и оригинальные выводы по ряду вопросов. Попытка эта не во всех случаях оказалась успешной. Так, анализируя понятие «циркумцеллионы», автор пошел по пути механического сочетания противоположных точек зрения: циркумцеллионы, по его мнению, и особое *ordo* — работники крупных имений в Южной Нумидии, и религиозная группа, при-
мыкавшая к донатистам. Понятен, ко-

нечно, соблазн преодолеть таким образом противоречивость источников, «снять» альтернативу, поставленную предшествующей историографией. Однако и при таком подходе вывод о социально-сословном содержании понятия «циркумцеллионы» остается умозрительной гипотезой, а свидетельства источников о принципиальном отказе циркумцеллионов от работы как отличительном признаке этой группы (August., *Contra Gaud.*, I, 28 32; 29 53; Possidius, *Vita s. Augustini*, 10) просто игнорируются.

Наиболее интересны, на наш взгляд, те части работы Тенгстрема (главы IV и V), где он устанавливает определенную зависимость влияния донатистской церкви от той роли, которую играли в религиозной борьбе крупные земли в религиозной борьбе крупные землевладельцы и арендаторы не-мелкие собственники и арендаторы Римской Африки. Автор выдвигает гипотезу, что крупные землевладельцы, будучи заинтересованы в привлечении рабочей силы в свои имения, предоставляли патронный крестьянам-донатистам, занятым на землях курiales. Поскольку такие землевладельцы, в особенности сенаторы, оказывали значительное влияние на провинциальные власти, антидонатистские мероприятия империи в этих условиях оставались до определенного времени неэффективными.

Следует напомнить, что связи донатизма с некоторыми группами африканской земельной знати уже изучались в литературе (главным образом в работах советских историков). Тенгстрем анализирует существенный аспект этой проблемы, до сих пор не привлекавший внимания исследователей. Правда, говоря о донатистах, работавших в имениях, очевидно, следует иметь в виду не циркум-